

А.А.Григорьев

**Собрание сочинений
Аполлона Григорьева**

Выпуск десятый

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.А.Григорьев**
Собрание сочинений Аполлона Григорьева: Выпуск десятый / А.А.Григорьев –
М.: Книга по Требованию, 2012. – 142 с.

ISBN 978-5-458-08970-8

И.С.Тургенев и его деятельность. (по поводу романа "Дворянское гнездо").

ISBN 978-5-458-08970-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

«Дворянское Гнѣздо», напечатанное въ январской книжкѣ «Современника» 1859 года, было встрѣчено при своемъ появленіи почти единодушнымъ одобреніемъ публики и критики и вызвало во враждующихъ литературныхъ лагеряхъ, по выраженію Анненкова, временное перемиріе, trêve de Dieu, такъ какъ представители различныхъ взглядовъ и направленій одинаково сошлись въ высокой оцѣнкѣ Тургеневскаго романа, въ признаніи его художественнаго и общественнаго значенія. Среди критическихъ статей, вызванныхъ этимъ произведеніемъ, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ, безъ сомнѣнія, обширная работа Апол. Григорьева, напечатанная въ четырехъ книжкахъ редактируемаго имъ «Русскаго Слова» въ томъ же 1859 году (№№ 4, 5, 6 и 8) и проникнутая чувствомъ глубокой симпатіи, какъ вообще ко всей литературной дѣятельности Тургенева, такъ, въ частности, къ его послѣдному произведенію.

Мы мало знаемъ о личныхъ отношеніяхъ Тургенева и Апол. Григорьева; несомнѣнно только, что они были знакомы и что оба высоко цѣнили другъ друга, какъ это видно, напр., изъ писемъ Тургенева къ Фету. Но причины особеннаго сочувствія, съ которымъ критикъ отнесся къ разбираемому произведенію, заключаются не столько въ личной симпатіи къ автору его, сколько въ самомъ содержаніи романа, въ проникающемъ его духѣ, въ которомъ Григорьевъ не безъ основанія нашелъ нѣчто родственное своему собственному настроенію. Въ его глазахъ романъ Тургенева является однимъ изъ наиболѣе яркихъ выраженій важнаго нравственнаго поворота, происшедшаго въ сознаніи русскаго общества въ серединѣ XIX-го вѣка, такъ же, какъ и самъ Тургеневъ является однимъ изъ самыхъ типичныхъ представителей русскаго образованнаго общества того времени, носителемъ и выразителемъ того нравственнаго процесса, который въ немъ совершался. Поэтому Григорьевъ начинаетъ свою статью съ общей характеристики литературной дѣятельности Тургенева, съ анализа его творческой личности, при чемъ отмѣчаетъ въ качествѣ одной изъ наиболѣе важныхъ чертъ Тургенева, какъ писателя, его «женственную впечатлительность»,

его чуткую отзывчивость ко всѣмъ «вѣяніямъ» времени. Въ силу этого исторія литературнаго творчества Тургенева есть вмѣстѣ съ тѣмъ исторія развитія русскаго общества, исторія смѣны взглядовъ и настроеній, господствовавшихъ въ немъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій. Особенно показателенъ въ этомъ отношеніи, по мнѣнію Григорьева, примѣръ «Рудина», въ которомъ эта смѣна общественныхъ «вѣяній» и настроеній отразилась въ двойственности характеристики главнаго героя и въ двойственности отношенія къ нему автора.

Съ этой точки зрѣнія новое произведеніе Тургенева представляется нашему критику особенно знаменательнымъ: въ немъ ясно обнаруживается, по мнѣнію Григорьева, глубокой органической процессъ, пережитый какъ самимъ Тургеневымъ, такъ и всѣмъ русскимъ обществомъ,—*процессъ роста и развитія національнаго самосознанія*, главнымъ носителемъ котораго является въ романѣ Лаврецкій. Вотъ почему Григорьевъ особенно подробно останавливается именно на анализѣ его личности, посвящаетъ этому анализу почти половину своей статьи. Въ лицѣ Лаврецкаго онъ видитъ первый въ нашей литературѣ очеркъ русскаго *положительнаго* типа, человѣка «почвы», усвоившаго себѣ всѣ лучшія стороны европейской культуры и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранившаго живое сочувствіе къ народной жизни и способность понимать ее душевно, сохранившаго физиологическую связь съ роднымъ народомъ, «святую связь Пушкинской натуры съ *Дриной Родіоновной*». Гораздо менѣе останавливается Григорьевъ на характеристикѣ Лизы, которой посвящено только 2—3 страницы въ концѣ статьи; возможно, что это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Григорьеву не удалось вполне закончить свою статью, такъ какъ столкновение съ вліятельными сотрудниками принудило его покинуть редакцію «Русскаго Слова», и послѣдняя часть его работы была напечатана уже послѣ его ухода изъ журнала.

Статья Григорьева отличается большимъ обиліемъ цитатъ и выписокъ изъ разбираемаго произведенія. Однако это отнюдь не должно быть поставлено въ упрекъ критику: Григорьевъ въ высокой степени обладалъ *искусствомъ выбирать цитаты* и вмѣстѣ съ тѣмъ путемъ подчеркиванія характерныхъ чертъ, выражений и оборотовъ *расцвѣчивать* ихъ и такимъ образомъ, не говоря ни слова отъ себя, давать живой и яркій комментарий къ разбираемому произведенію.

И. С. Тургеневъ и его дѣятельность по поводу романа „Дворянское Гнѣздо“ ¹⁾.

Письма къ Г. Г. А. К. Б.

I.

И вы, и я читали почти въ одно время новое произведеніе Тургенева—и помнится также, оба въ одно время почувствовали необходимость передать другъ другу впечатлѣнія отъ повѣсти автора, которому равно горячо сочувствуемъ. Оказалось такъ много сходства въ нашихъ впечатлѣніяхъ, что я по всему праву даю моей критической статьѣ форму писемъ къ вамъ. Это, во-первыхъ, избавляетъ отъ необходимости—почему, впрочемъ, считается это необходимою?—излагать содержаніе повѣсти, извѣстное, вѣроятно, всему читающему русскому міру; во-вторыхъ, отъ казенной манеры начинать такъ, или въ подобномъ родѣ,—что талантъ Тургенева давно принадлежитъ къ числу талантовъ, наиболѣе любимыхъ публикою, и проч., и проч...

Когда талантъ какого-либо писателя горячо любить и высоко цѣнить критикъ,—подобный приѣмъ ему особенно противенъ.

Тутъ, можетъ-быть, возникнетъ сейчасъ же вопросъ: имѣетъ ли право критикъ говорить о талантѣ, который онъ горячо любить и высоко цѣнить? Не перестаетъ ли онъ быть въ отношеніи къ такому таланту критикомъ, т.-е. лицомъ судящимъ, взвѣшивающимъ, оцѣнивающимъ, указывающимъ недостатки и промахи? Такой вопросъ, конечно, можетъ возникнуть только въ кружкахъ,

¹⁾ „Русское Слово“, 1859 г., №№ 4, 5, 6 и 8. Инициалы въ посвященіи относятся къ графу Г. А. Куселеву-Безбородко, издателю „Русскаго Слова“.

Примѣч. В. С.

ничего не читавшихъ кромѣ критическихъ статей гг. Греча, Кс. Полевого, Булгарина, Сенковскаго и иныхъ, приучившихъ публику ихъ читавшую, и понинѣ еще, можетъ-быть, читающую, къ извиненіямъ въ случаяхъ ихъ *особеннаго* расположенія къ тому или другому изъ авторовъ—да въ кружкѣ замоскворѣцкихъ или коломенскихъ барышень, которыя всегда думаютъ, что имъ сказали что-либо „въ критику“, но все же вѣдь онъ, этотъ пошлый вопросъ, можетъ возникнуть... потому что при малой развитости понятій въ большей части нашей публики, еще не привыкли умѣть отдѣлять расположеніе къ дарованію отъ расположенія къ личности. Даже Бѣлинскій не успѣлъ приучить къ этому. Большой части читающихъ, и даже пишущихъ, и даже иногда критикующихъ,— непонятенъ тотъ процессъ раздвоенія на человѣка чувствующаго и человѣка судящаго, который совершается въ критикѣ,—т.-е. въ лицѣ, взявшемъ на себя трудную роль выражать свое личное сознаніе, примѣряя его къ общему сознанію. *Сознавая* свои особенныя, личныя симпатіи къ талантамъ, онъ такъ-же подвергаетъ самого себя, т.-е. эти симпатіи, суду и анализу, какъ подвергаетъ ему общее сознаніе—разлагая какъ свое, такъ и общее, на *разумное* и *неразумное*. Потому что вѣдь и въ общемъ бываетъ часто извѣстная доля неразумнаго. Общее, конечно, правѣе личнаго—но когда? Только тогда, когда оно перейдетъ изъ настоящаго въ прошедшее: въ минуту настоящаго—общее представляетъ только хаосъ, въ которомъ волнуются и кипятъ и однородныя, и разнородныя впечатлѣнія; изъ борьбы ихъ, изъ взаимной амальгамировки возникаетъ уже потомъ нѣчто неизмѣнное, неподвижное—почему великій поэтъ и говорить:

Nur im Vergang'nen lebt das Tüchtige ¹⁾.

а другой, менѣе обширній размѣрами творчества, но тоже великій поэтъ разъясняется:

Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй!
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно-волшебныхъ думъ;
Ихъ заллушитъ наружный шумъ,
Дневные ослѣпятъ лучи;
Внимай ихъ пѣнью—и молчи.

¹⁾ Только въ прошедшемъ живетъ разумное, правое.

Если критикъ можетъ *раздвоиться*, раздѣлить, какъ въ самомъ себѣ, такъ и въ общемъ, случайное, хаотическое, стихійное отъ разумнаго,—онъ не долженъ ни бояться своихъ симпатій, ни насиловать себя самого, скрывая ихъ отъ себя и отъ другихъ: онъ знаетъ ихъ причины и источники, онъ опредѣлилъ имъ настоящее мѣсто въ сознаниі, —стало-быть, онъ стоитъ *надъ* ними, а не *подъ* ними.

Моя длинная оговорка особенно казалась мнѣ необходимою въ отношеніи къ Тургеневу—это имя, надѣюсь, можетъ печататься безъ приложенія словечка: „господинъ“, какъ ставшее *общимъ* достояніемъ. Не во мнѣ только лично, но во множествѣ лицъ пишущихъ и читающихъ есть какая-то глубокая и притомъ совершенно особенная симпатія къ его произведеніямъ, совсѣмъ иная по *тону*, чѣмъ, напримѣръ, къ произведеніямъ Островскаго или Толстого: я говорю по *тону*, а не по *силѣ*, ибо сила сочувствія къ дѣятельности этихъ трехъ, въ настоящую минуту первостепенныхъ, дѣятелей—совершенно равная.

Въ чемъ же заключается особенность *тона* сочувствія къ Тургеневу читателей, т.-е. другими словами—въ чемъ заключается особенность таланта Тургенева? Какія струны—позвольте мнѣ выразиться нѣсколько фигурно, чтѣ, впрочемъ, отъ меня не рѣдкость—какія, говорю я, струны особенно звонки на этой поэтической лирѣ? На что эти струны особенно чутки и отзывчивы—и почему на звуки этихъ струнъ особеннымъ образомъ отзывчивы читатели?

Не дивитесь, что я поднимаю вопросъ о цѣлости всей Тургеневской дѣятельности по поводу одного, послѣдняго его произведенія. Въ этой живой и глубоко-поэтической натурѣ всѣ звенья дѣятельности связаны между собою такъ, что въ послѣднемъ заключаются все тѣ же элементы, какіе заключаются въ первыхъ. Вы скажете мнѣ, что это явленіе есть опять-таки въ органической дѣятельности всякаго высокаго дарованія. Такъ, но не въ такой степени: Тургеневъ въ каждое новое произведеніе вноситъ цѣликомъ все свое прожитое и все свое настоящее: блестящія стороны его таланта становятся все ярче и ярче—но зато и старые недостатки остаются старыми, уже милыми намъ, недостатками.

II.

А. В. Дружининъ, въ своей блестящей статьѣ о дѣятельности Тургенева, назвалъ *поэзію* особенность его таланта. Слово, выбранное имъ, будетъ совершенно вѣрно въ противоположеніи

Тургеневской дѣятельности тому *чистому* натурализму, который преобладаетъ или, по крайней мѣрѣ, преобладалъ во все это время въ нашей литературѣ,—и хоть слово „поэзія“ есть одно изъ наименѣе опредѣленнѣйшихъ, но всегдѣ было понятно, что именно хотѣлъ сказать почтенный редакторъ „Библиотеки для чтенія“ ¹⁾. Тургеневъ, дѣйствительно, представляетъ въ этомъ отношеніи нѣкоторое сходство съ Зандомъ, единственнымъ поэтомъ-идеалистомъ нашей эпохи, хотя ему недостаетъ могущественной, чародѣйной силы Занда. Онъ любитъ, какъ Зандъ же, и только какъ Зандъ, создавать дѣйствительность нѣсколько фантастическую, придумывать для этой дѣйствительности обстановку совершенно исключительную, трогать въ душѣ струны самыя тонкія—и вы вѣрите ему на-слово, хотя не вполне такъ, какъ вѣрите Занду; вы довѣряетесь этой фантастической дѣйствительности во имя вѣрности психическаго анализа,—вы не назовете исключительную обстановку небывалою, ибо видите осязательно ея *поэтическую* правду, ея идеальную *возможность* быть,—вы войдете въ міръ тончайшихъ ощущеній, завлеченные ихъ подробнымъ и художественно-добросовѣстнымъ анализомъ. У Тургенева нѣтъ только той идеальной силы, которая заставляетъ всѣхъ, не сомнѣваясь, вѣрить въ полупрозрачный міръ Пиччинино, въ исключительность положеній и типовъ въ Теверино, и т. д. ²⁾. Есть какая-то неполнота въ его творчествѣ—и вслѣдствіе этого какое-то моральное раздраженіе, вмѣсто вѣры и удовлетворенія, остается послѣ нѣкоторыхъ повѣстей его, какъ, на примѣръ, „Три встрѣчи“, столь поэтически задуманной, столь роскошно, благоуханно обставленной подробностями, и столь мало удовлетворяющей возбуждаемую ею жажду,—и даже послѣ многихъ, *поэтическихъ* въ такомъ смыслѣ, мѣсть въ другихъ его повѣстяхъ, какъ, на примѣръ, сцена свиданія утромъ, въ лѣсу, Веретьева съ героиней повѣсти „Затишье“. Что-то странное видится всегда въ такихъ поэтическихъ стремленіяхъ у Тургенева: видится, что по натурѣ онъ именно эти-то стремленія и жаждетъ высказать, что во всегдѣ другимъ стремленіямъ онъ гораздо равнодушнѣе, и видится, между-тѣмъ, что жизнь личная и вѣянія жизни общей разбили въ немъ всякую вѣру въ эти стремленія.

---

¹⁾ Статья Дружинина написана въ 1857 году по поводу перваго изданія „Повѣстей и разсказовъ П. Тургенева“ (СПб., 1856 г.).

²⁾ Романы Жоржъ Зандъ изъ жизни итальянскихъ художниковъ.

Зандъ же, напротивъ, въ эти стремленія твердо и неуклонно вѣруетъ,—и вѣра великаго таланта творить порою истинныя чудеса, въ ея самыхъ эксцентрическихъ созданіяхъ...

Итакъ, слово *поэзія*, въ отношеніи къ произведеніямъ Тургенева, получаетъ значеніе въ противоположеніи чистому натурализму.

Надобно вамъ замѣтить, что подъ чистымъ натурализмомъ разумѣю я не Гоголевское творчество, и съ другой стороны и не то, что звали еще недавно „натуральною школою“ а простое изображеніе дѣйствительности безъ идеала, безъ возвышенія надъ нею,—которое частію выразилось въ подробностяхъ „Обыкновенной исторіи“ Гончарова,—особенно полно и ярко въ крѣпкомъ дарованіи Писемскаго,—особенно рѣзко и грубо въ произведеніяхъ г. Потѣхина. Творчество Гоголя проникнуто сознаніемъ идеала, такъ-называемая натуральная школа—болѣзненнымъ юморомъ протеста. И понятное дѣло, что талантъ Тургенева, впечатлительный и чуткій на все, отозвавшійся на натуральную школу замѣчательнымъ рассказомъ „Пѣтушковъ“ и плохую драмою „Холостякъ“,—отозвавшійся даже на драматическія пословицы и поговорки изъ жизни такъ-называемаго „большого свѣта“,—какъ-то женственно подчинявшійся всякому вѣянію,—не отозвался только на современный *чистый* натурализмъ. Это уже внѣ его рода, внѣ (но не выше) его таланта.

Въ этомъ-то смыслѣ, А. В. Дружининъ совершенно правъ, называя поэзіей отличительное свойство таланта И. С. Тургенева. Во всякомъ другомъ отношеніи слово *поэзія* ничего не выражаетъ: почему-же, въ другихъ смыслахъ—поэзія остается только за Тургеневымъ? Развѣ въ Островскомъ, умѣвшемъ облить какимъ-то жаркимъ колоритомъ извѣстную сцену въ „Воспитанницѣ“, сцену въ саду, которая у всякаго другого вышла-бы тривиальна и даже больше чѣмъ тривиальна,—нѣтъ поэзіи? Развѣ Толстой въ „Дѣтствѣ, Отрочествѣ и Юности“ мѣстами не поэтъ: въ главѣ „Юродивый“, въ прелестномъ эпизодѣ любви къ Соничкѣ, въ изображеніи ночи въ саду (Юность)?.. Развѣ, наконецъ, даже чистый натурализмъ въ Гончаровѣ и Писемскомъ (припомните губернскаго городъ, монастырь въ его „Тысячахъ душахъ“) не возвышался порою до поэзіи?

Явно, что слово *поэзія* взято А. В. Дружининимъ только по отношенію къ общимъ художественнымъ стремленіямъ Тургенева,

въ противоположеніи стремленіямъ нашего времени къ наидѣйствительнѣйшему, наиболѣе наглядному представленію простѣйшей, ежедневнѣйшей дѣйствительности съ точки зрѣнія, заимствованной у самой дѣйствительности.

III.

Что-же *особеннаго* въ собственно Тургеневской поэзіи въ отличіе отъ поэзіи другихъ, равныхъ съ нимъ дѣятелей? Изъ какихъ стихій сложены ея свойства и чѣмъ она увлекаетъ?...

Это вопросъ, который можетъ быть разрѣшенъ только анализомъ, хотя бѣглымъ, всей дѣятельности Тургенева.

Прежде всего у Тургенева выдается ярко отношеніе его богатой поэтической личности къ природѣ; живое сочувствіе къ природѣ, тонкое пониманіе ея красотъ, пониманіе человѣка развитаго, не утратившаго однако—что особенно рѣдко и дорого—свѣжести непосредственнаго чувства,—дѣлаютъ его однимъ изъ высокихъ описательныхъ поэтовъ вездѣ, гдѣ касается дѣло до природы внѣшней; даже въ самыхъ неудачныхъ, самыхъ фальшивыхъ по основной мысли его произведеніяхъ, попадаютъ въ этомъ родѣ цѣлыя страницы—живыя, благоуханныя, истинно поэтическія. Даже близорукая и отсталая критика, отвергая въ немъ все художественное достоинство, признавала однако это достоинство, признавала въ высшей степени—и совѣтовала ему (о милая отсталая критика!) обратиться исключительно къ этому роду творчества. Какъ-будто въ самомъ дѣлѣ возможна въ наше время описательная поэзія, какъ особый родъ, безъ отношенія къ душѣ человѣческой, къ внутреннему міру человѣка—какъ-будто и въ самомъ Тургеневѣ выдались особенно ярко его поэтическія отношенія къ природѣ безъ особенныхъ, глубокихъ психическихъ причинъ? Разгадка этихъ психическихъ причинъ есть ключъ къ особенностямъ поэзіи, или, пожалуй, поэтической личности Тургенева; но прежде чѣмъ заняться ихъ обслѣдованіемъ, надобно рѣшить одинъ вопросъ,—вопросъ о самомъ свойствѣ его поэтическихъ отношеній къ природѣ, объ ихъ особенномъ тонѣ и колоритѣ.

Ясно, что отношенія Тургеневскія къ природѣ отличаются отъ отношеній, напримѣръ, къ ней—чтобъ взять по крупнѣе—Пушкинскихъ, или—выбирая изъ современности—положимъ, Аксаковскихъ, съ одной стороны, Майковскихъ или Гончаровскихъ съ другой; я не упоминаю о Писемскомъ, ибо въ немъ, какъ и во всѣхъ

нашихъ писателей, родившихся на сѣверо-востоѣ, особенно нѣжнаго сочувствія къ природѣ не обнаруживалось, и картинность, выразившаяся у Писемскаго въ удивительномъ изображеніи уѣзднаго города ночью ¹⁾,—вовсе не то, что близость къ природѣ, сочувствіе ей. Нѣкоторое сходство еще есть между манерою Тургенева и манерой Толстого, хотя у послѣдняго краски гуще и ярче—особенно сходство есть между манерою Тургеневскою, манерою Фета и манерою нашего друга Полонскаго.

Что-жъ изъ этого слѣдуетъ, спросите вы?

Слѣдуетъ моя, отчасти извѣстная вамъ, мысль о роли типовъ и мѣстностей въ поэзіи, о томъ, что каждая мѣстность имѣетъ свой живой поэтический отголосокъ, каждый типъ—свое постоянное и преемственное выраженіе.—Чѣмъ особенно отличаются отношенія къ природѣ Тургенева, Толстого, Фета, Полонскаго, и въ главѣ ихъ всѣхъ—отца ихъ въ этомъ отношеніи, Тютчева?.. Въ Аксаковской, на примѣръ, манерѣ, поскольку она выразилась въ „Семейной Хроникѣ“ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „Записокъ ружейнаго охотника“, „Объ уженьѣ рыбы“,—отношеніе къ природѣ совершенно спокойно, полновластно, какъ-то домохозяйно, отчасти даже дышетъ самодовольствомъ: краски манеры просты, прочны, не особенно ярки, но нисколько не тусклы: это—природа края, богатаго всякими угодами, всѣмъ, что служитъ на пользу человѣка, природа непочатая, дѣвственная, и потому мощная, странъ юговосточныхъ, нашедшая себѣ простодушный, но какъ она-же прямой отголосокъ... Въ манерѣ-же Тургенева и другихъ, мною поименованныхъ, намъ слышится голосъ сочувствія столь нѣжнаго и тонкаго, что оно становится порою чѣмъ-то болѣзненнымъ, страстію, подчиненіемъ. Кромѣ того, поэзія этой манеры отличается не яркостію, но тонкостью, прозрачностью красокъ. Эта поэзія не ловитъ въ природѣ яркихъ оттѣнковъ, крупныхъ явленій: напротивъ, она какъ-будто съ умысломъ избѣгаетъ ихъ, и ловитъ оттѣнки тонкіе, слѣдитъ природу въ тонкихъ, неуловимыхъ ея явленіяхъ, съ привязанностію ребенка къ нянкѣ, съ какимъ-то суевѣрнымъ обожаніемъ. Это—поэзія такъ-называемой великорусской Украйны, страны чернозема, потоваго труда земледѣльца, страны, которой самая пѣсня, потерявши размашистость и заушывную или разгульную широкость великорусской пѣсни,—

¹⁾ Въ романѣ „Тысяча душъ“.

еще не съ такимъ коротенькимъ мотивомъ, какъ пѣсня малоросійская, но уже стремится къ сей послѣдней — къ пѣснѣ страны, гдѣ человѣкъ почти совсѣмъ поглощенъ природою. Это — поэзія особенной полосы, мѣстности, ея живой голосъ.

Подтверждать свою мысль выписками изъ Тургенева, Фета или Тютчева я не стану — ибо мнѣ хотѣлось намекнуть только на особенный, мѣстный колоритъ поэзіи природы у Тургенева въ моемъ бѣгломъ очеркѣ его поэтической личности.

IV.

Но это — только колоритъ, тонъ. Причина, почему у Тургенева эта сторона его дарованія выступаетъ какъ-будто ярче прочихъ, — обусловлена его душевнымъ развитіемъ.

Натура по преимуществу впечатлительная, до женственного подчиненія всѣмъ вѣяніямъ эпохи, Тургеневъ, какъ я уже сказалъ, отозвался на все, кромѣ чистаго натурализма.

Онъ началъ прямо съ крайнихъ крайностей направленія, оставшагося намъ въ наслѣдство послѣ покойнаго Лермонтова. Въ своей „Парашѣ“, въ которой одинъ Бѣлинскій своимъ геніальнымъ чутьемъ угадалъ задатки необыкновеннаго, только можетъ-быть по свою дорогу избравшаго, дарованія, — онъ сильно проповѣдывалъ, что

.....гордость — добродѣтель, господа!

Въ своемъ „Помѣщикѣ“, онъ такъ-же пылко, такъ-же впечатлительно кадилъ горько-сатирическому направленію, — *терзался* насчетъ гнусности *козминыхъ* (вмѣсто козловыхъ) башмаковъ уѣздныхъ барышень, *благословляя*, подъ влияніемъ Лермонтова, *на страданіе* молодыхъ дѣвченокъ, — въ прелестной и задушевной впрочемъ строфѣ. Въ своихъ „Трехъ портретахъ“ дошелъ до оригинальнаго, чисто русскаго, но мрачнаго и холоднаго типа... но тутъ-то вѣроятно и совершился въ немъ переворотъ. Его ужаснула холодная до рефлексіи и вмѣстѣ страстная до необузданности натура его героя, Василія Лучинова, и, встрѣченный сочувствіемъ однихъ, указаніями другихъ на все то безнравственное и дѣйствительно гнилое, что было въ Лермонтовскомъ типѣ, — изображенномъ имъ такъ по-своему, такъ оригинально, — Тургеневъ остановился передъ типомъ въ недоумѣніи и колебаніи. Въ немъ не было мрачной и злой вѣры въ этотъ типъ Лермонтова — и отъ